

А. А. ФОН БРЕТЦЕЛЬ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ДОСТОЕВСКОМ И ТУРГЕНЕВЕ

Публикация И. С. Зильберштейна

В 1920—1940-х годах в зарубежных русских изданиях печаталось немало историко-литературных документов и мемуарных свидетельств о русских писателях прошлого века. Среди таких публикаций были и воспоминания о Достоевском. Но ни одно из них не зарегистрировано в вышедшей в 1968 г. книге «Библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем. 1917—1965». Нет указаний на подобного рода мемуарные свидетельства, напечатанные за границей, и в библиографическом своде С. В. Белова «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников»¹.

Одно из таких мемуарных свидетельств, написанное Анной Алексеевной фон Бретцель и опубликованное в парижской газете «Возрождение» (1930, № 1710, 6 февраля), здесь печатается впервые в нашей стране.

В рассказе о том, как Достоевский и Тургенев выступали в 1880 г. в зале петербургского Благородного собрания на литературно-музыкальном вечере в пользу нуждающихся слушательниц Женских педагогических курсов, мемуаристка красочно описала все перипетии приглашения писателей на этот вечер, как проходило чтение ими своих произведений и как каждый из них реагировал на выступление другого. Рассказ приобретает большое значение еще и потому, что до сих пор в литературе о Достоевском и Тургеневе об этом сведений не было.

Перед слушательницами Женских педагогических курсов Достоевский не выступал ранее. Тургенев же встречался с ними за год до того — 15 марта 1879 г. В его тогдашний приезд в Петербург стихийно возникли устроенные прогрессивными кругами, и прежде всего молодежью, чествования Тургенева, хотя для этого не было никакого конкретного юбилейного повода. Это было данью искреннейшего уважения к великому художнику слова. Сообщая Полине Виардо об одном из таких чествований в письме, недавно отысканном во Франции, Тургенев, в частности, писал: «Вообразите себе более тысячи студентов в грандиозном зале Дворянского собрания; вхожу; шум, способный обрушить дом; ура, шапки летят к потолку; затем два громадных венка; затем речь, выкрикиваемая мне в ухо юным делегатом от учащихся, речь, каждый оборот которой задевает недозволенное, взрывчатое; ректор университета в первом ряду кресел, весь бледный от страха; я, старающийся ответить так, чтоб огонь не оказался поднесенным к пороху, и в то же время старающийся высказать нечто большее, нежели банальности; затем, после чтения, вся эта толпа, движущаяся за мною по соседним залам, вызывающая меня с неистовством 20 раз подряд; девушки, хватающие мои руки... чтобы поцеловать их!!! То было подлинное безумие»².

Нечто подобное произошло спустя пять дней — 15 марта того же 1879 г., когда Тургенев впервые выступил на вечере в помещении Женских педагогических курсов. Об этом свидетельствует подробный отчет о вечере, появившийся в одном периодическом издании³. Приветственный адрес писателю прочла курсистка Е. М. Гедда, принимавшая участие в организации и второго литературно-музыкального вечера в следующем году и упомянутая в связи с этим в воспоминаниях А. А. фон Бретцель.

Мемуаристка пишет, что этот вечер состоялся в Благородном собрании в конце марта 1880 г. Точную дату называет А. Г. Достоевская — 21 марта. В своих воспоминаниях она сообщает: «В 1880 году, несмотря на то, что Федор Михайлович усиленно работал над „Братьями Карамазовыми“, ему пришлось много раз участвовать в литера-

турных чтениях в пользу различных обществ. Мастерское чтение Федора Михайловича всегда привлекало публику, и, если он был здоров, он никогда не отказывался от участия, как бы ни был в то время занят».

Говоря далее о запомнившихся ей публичных выступлениях Достоевского того года, Анна Григорьевна называет и состоявшийся 21 марта в зале Благородного собрания вечер в пользу Женских педагогических курсов: «Муж выбрал отрывок из „Преступления и наказания“ — „Сон Раскольниково и загнанной лошади“. Впечатление было подавляющее, и я сама видела, как люди сидели бледные от ужаса, а иные плакали. Я сама не могла удержаться от слез»⁴.

Характерно, что А. Г. Достоевская не упоминает о выступлении Тургенева на этом вечере. Кроме того, по ее словам, Достоевский читал тогда отрывок из «Преступления и наказания». Бретцель же утверждает, что то был отрывок из «Подростка». И все же она права. Установить это удалось следующим образом.

В поисках анонса или сообщения о вечере 21 марта 1880 г. пришлось просмотреть почти все ведущие столичные газеты, но в десяти из них таких сведений не оказалось. И лишь в одиннадцатой — «Петербургской газете» — удалось отыскать заметку об этом вечере, к тому же весьма интересную. И так как в литературе о Достоевском она неизвестна, привожу ее полностью:

«В пятницу, 21 марта, в зале Благородного собрания состоялся литературно-музыкальный вечер в пользу недостаточных слушательниц педагогических курсов. В нем приняли участие: гг. Тургенев, Достоевский, Вейнберг, Плещеев и Потехин, а в музыкальной части: г-жи Велинская, Кузнецова, Бичурина, гг. Гольдштейн и Корякин. Нельзя не отнестись с особым сочувствием к цели этого вечера — дать средства недостаточным девицам получить высшее образование. С особою благодарностью должно обратиться к просвещенному началству, благосклонно разрешившему этот вечер, к писателям и артистам, в нем участвовавшим, и к самим распорядительницам — курсисткам, принявшим на себя немаловажные заботы и хлопоты по его устройству. Вечер удался вполне, зала была полна, и сбор превысил две тысячи рублей, несмотря на то, что о вечере не было оповещено ни в афишах, ни в газетах.

К сожалению, нельзя умолчать, что наш высокоталантливый романист Ф. М. Достоевский сделал не особенно удачный выбор для чтения. Он прочел эпизод из своего романа «Подросток», и именно рассказ, как одна бедная молодая девушка, кончившая курс с золотой медалью в гимназии, ищет уроков, чтобы иметь хоть какие-либо средства к существованию. Вследствие ее публикации в газетах об уроках, она получает предложение поступить на содержание и обманным образом попадает в дом терпимости. Оскорбленная злонамеренными людьми и гонимая судьбою и крайностью, несчастная честная труженица кончает самоубийством: она повесилась. Нечего говорить, что рассказ в талантливом изложении автора и его прекрасном чтении производит тяжелое впечатление на слушателей. Но насколько уместно рисовать такую мрачную, хотя единично возможную, картину при молодых девушках, из которых многим предстоит борьба с жизнью и нуждою, и, может быть, наводит их на ложную мысль, что исход подобной непосильной борьбы один — самоубийство; насколько приличен на подобном литературном вечере, хотя и в сокращенном виде, рассказ, что произошло с его героинею в доме на Вознесенском проспекте, — это вопрос другой и вопрос весьма серьезный. Мы слышали, что выбор чтения будто бы опробован г. попечителем учебного округа, но сомневаемся в правдивости такого слуха. Мы готовы скорее всего отнести эту ошибку к болезненности г. Достоевского, весьма часто заставлявшей его забывать подробности своих многочисленных произведений. Что у тещи никакой задней мысли не было, доказывает то, что он сам во время чтения заметно спохватился и сделал в некоторых местах значительные сокращения своего повествования»⁵.

О том, что этот вечер был незабываемым событием в жизни слушательниц Высших педагогических курсов, свидетельствует одна из них — Серафима Васильевна Карчевская, вскоре ставшая женой великого физиолога И. П. Павлова. Вот что она пишет в своих воспоминаниях:

«Праздник! Литературный вечер! Да еще какой: принимали участие выдающиеся люди — писатели, певцы, певицы, музыканты! (<...>»

Вхожу в зал и от волнения не узнала никого из своих друзей. Мчусь к подъезду, с которого приезжали приглашенные гости.

В небольшом зале на белоснежной скатерти, покрывающей длинный стол, сервирован чай с бутербродами, холодной закуской, дорогими печеньями, фруктами, конфетами и винами. Мне и в ум не приходит обратить внимание на угощение, когда в одной комнате со мной находятся Достоевский, Тургенев, Плещеев, Мельников, Бичурина...

Достоевский молча прохаживался вдоль комнаты, прихлебывая крепкий чай с лимоном. Тургенев старается казаться спокойным, но как-то неудачно подшучивает над хорошенькими делегатками, окружающими его. Мельников усердно закусывает, а Бичурина, придвинув к себе графинчик с коньяком, вышивает рюмку за рюмкой.

Тогда Мельников встает, подходит к ней, хлопает ее по плечу и говорит:

— Сократись, Аннушка! Помни, что ты на детском празднике.

— Да я только, чтобы согреться, — говорит она, встает из-за стола и идет в зал полюбоваться на этих „детей“.

Первым читал Тургенев, величественный человек с красивой осанкой, с гривой седых волос над выразительным, умным лицом. Раздался его звучный голос. Читал Тургенев артистически — на разные голоса — и умел интонацией охарактеризовать каждое лицо. „Певцы“ встали перед публикой как живые. По окончании гром аплодисментов и возгласы приветствовали Тургенева.

Когда все стихло, на эстраде появился маленький человек, бледного, болезненного вида, с мутными глазами, и начал слабым, едва слышным голосом чтение.

«Пропал бедный Достоевский!» — подумала я.

Но что случилось? Вдруг я услышала громкий голос и, выглянув на эстраду, увидела „Пророка“! Лицо Достоевского совершенно преобразилось. Глаза метали молнии, которые жгли сердца людей, а лицо блистало вдохновенной высшей силой!

По окончании чтения началось настоящее столпотворение. Публика кричала, стучала, ломала стулья и в бешеном сумасшествии вызывала: „Достоевский!“

Я не помню, кто подал мне пальто. Закрывшись им, я плакала от восторга! Как я дошла домой и кто меня провожал, решительно не помню. Уже позже узнала я, что провожал меня Иван Петрович. Это сильно сблизило нас.

Музыка, пение на этом вечере была только прелюдией пророческой речи Достоевского. Все время твердила я:

— Да, он зажжет сердца людей на служение правде и истине!

Тут же я решила пойти к Достоевскому за советом относительно моих верований, что и исполнила впоследствии.

Должна сознаться, что подобного душевного подъема я никогда потом не испытывала»⁶.

Несмотря на то, что воспоминания А. А. фон Бретцель были написаны спустя полвека после встречи с Достоевским и Тургеневым, эти немногие страницы сохранили, несомненно, всю непосредственность впечатлений, пережитых мемуаристкой на том вечере, оставшимся ей столь памятным. (Описание этого вечера см. также в воспоминаниях Я. Б. фон Бретцеля в настоящ. томе, стр. 310—312.)

Спустя некоторое время после встречи 21 марта 1880 г. на литературно-музыкальном вечере с постоянным домашним врачом Достоевского Я. Б. фон Бретцелем, Анна Алексеевна вышла за него замуж.

Умерла она в Париже 12 июня 1932 г.⁷

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Проблемы жанра в истории русской литературы». — «Ученые записки Ленинградского гос. педагогического ин-та имени А. И. Герцена». Л., 1969, вып. 320, стр. 274—316.

² И. С. Зильберштейн. Тургенев. Находки последних лет. — «Литературная газета», 1972, № 25, 21 июня.

Полным непониманием того, что происходило в 1879 г. в Петербурге во время чествования Тургенева, можно объяснить ошибочный перевод последних строк этого письма

в статье В. Я. Лакшина «„Почтовая проза“ И. С. Тургенева: «девушки хватили меня за руки...», чтобы я их поцеловал!!!» («Иностранная литература», 1972, № 8, стр. 213).

³ «Из жизни и литературы. (Хроника). И. С. Тургенев на музыкально-литературном вечере в Женских педагогических курсах». — «Женское образование». Педагогический листок для родителей, наставниц и наставников, издаваемый при С.-Петербургских женских гимназиях. 1879, № 3, стр. 203—206.

⁴ А. Г. Достоевская я. Воспоминания, стр. 350—351.

⁵ А. С. Литературное чтение. — «Петербургская газета», 1880, № 59, 25 марта.

⁶ С. В. Павлова. Из воспоминаний. — «Новый мир», 1946, № 3 стр. 116—117.

⁷ «Возрождение», 1932, № 2569, 14 июня.

Благодаря напечатанному здесь извещению о смерти А. А. фон Бретцель удалось установить ее девичью фамилию — Любимова.

В 1880 году на Женских Педагогических курсах устраивался литературно-музыкальный вечер, память о котором оставила во мне неизгладимое впечатление.

Я была на словесном отделении первого курса, в числе некоторых других слушательниц меня выбрали распорядительницей вечера. Подобные вечера с благотворительной целью устраивались у нас часто, но редко удавалось соединить две таких знаменитости, как Достоевский и Тургенев.

Кроме «словесниц» — так было принято у нас называть слушательниц словесного отделения, — были выбраны распорядительницами и «математички», т. е. слушательницы математического отделения.

Мы обрадовались, когда узнали, что Тургенев приехал в Петербург, и тотчас собрались к нему, а математички решили обратиться к Ф. М. Достоевскому.

К Тургеневу мы отправились втроем: Е. М. Гедда, Гроссман и я. Тургенев остановился тогда на Малой Морской (впоследствии улица Гоголя) в меблированных комнатах. При Тургеневе состоял некто Топоров, которого мы и попросили объяснить Ивану Сергеевичу повод нашего приезда. Он тотчас же ввел нас в приемную.

Е. М. Гедда, самая смелая из нас, объяснила Тургеневу цель нашего посещения. Она сказала также, что помимо той радости, какую всем нам доставит его приезд, мы рассчитываем, что этот вечер даст большой сбор и облегчит материальную нужду многих наших слушательниц.

Со свойственной Ивану Сергеевичу любезностью он ответил:

— Вы знаете мое всегдашнее расположение к учащейся молодежи; вы не можете сомневаться в моем желании прийти вам на помощь, но, к сожалению, обстоятельства зависят не от меня: я дал подписку не участвовать ни в каких публичных выступлениях.

Но Е. М. не смутилась:

— А если мы все-таки попросим и нам разрешат?

Вероятно, Тургеневу показалась забавной самоуверенность Гедды, он спросил:

— На что же вы надеетесь?

— Мы обратимся к директору всех женских гимназий и педагогических курсов, — ответила Гедда, — который высказывал нам всегда сочувствие, он объяснит принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому, а принц наверное разрешит.

— Я от своего слова не отказываюсь, — сказал Тургенев, — и желаю вам успеха.

Он проводил нас до двери и сам открыл ее.

Мы вышли от Тургенева окрыленными, точно и не было никакого сомнения в успехе. Е. М. поехала просить Ивана Терентьевича Осина, директора всех женских гимназий и педагогических курсов, он в свою очередь обратился к принцу Ольденбургскому, и, к нашей великой радости, желанное разрешение вскоре было дано. Мы поехали опять к Тургеневу.

К сожалению, И. С. был болен, но тем не менее принял нас, извиняясь за свое беспомощное положение от припадка подагры, которого он опасался в день первого нашего посещения. Он был в коричневой вязаной фуфайке и лежал на диване под большим пледом.

Поздравив нас с успехом, он выразил надежду, что недуг его скоро пройдет и не помешает ему принять участие в нашем вечере, но просил не ставить его имени в программе.

Радостно вернулись мы на курсы, ничуть не ожидая, какая готовится нам встреча. А вышло так. Пока мы ездили к Тургеневу, математички, которым поручено было пригласить Достоевского, получили от него решительный отказ. Они с нетерпением ждали нас на первой площадке лестницы курсов и тотчас забросали упреками, взваливая на нас вину своей неудахи.

— Достоевский отказал нам, — кричали наперебой математички. — Это вы виноваты! Зачем вы были у Тургенева раньше, чем мы пригласили Достоевского? Вы обидели его. Теперь поезжайте сами. Он прямо сказал: «Вы были у Тургенева, зачем я вам? Или вы хотите собрать у себя всех писателей? Бойтесь, что сбор будет неполный? Не беспокойтесь, имя Тургенева на афише соберет полную залу. Оставьте меня в покое. Я не поеду».

— Кто же помешал вам предупредить нас? — вмешалась я в спор. — Было условлено, что мы едем к Тургеневу, а вы к Достоевскому. Мы успели два раза съездить, а вы собрались только сегодня. Чья же вина?

Не помню, как мне пришло на мысль убедить математичек вторично навестить Достоевского. Говорила я это без всякой надежды на согласие с их стороны, просто, чтобы кончить эту неприятную историю. К нашему удивлению, пошептавшись между собою в стороне, они вдруг собрались и уехали.

Часа через два математички вернулись сияющие, встретив совсем другой прием у Федора Михайловича. Вероятно, пожалев о своей горячности, он обрадовался, увидев их вновь.

— Ну вот, я вижу, что вы хорошие, — сказал он, — любите меня... Ну, будьте спокойны, я приеду к вам... приеду.

Он предложил чаю, усадил к самовару, угостил печеньем, варением, ласково поговорил с ними и отпустил их счастливыми и довольными домой.

Наступил день, которого мы ожидали с таким нетерпением. По настоянию тетки, у которой я жила и воспитывалась, я должна была надеть голубое барежевое платье с вырезом и полукрытыми рукавами (какие тогда носили). Это платье, помню, волновало меня и портило счастливое настроение — оно казалось мне слишком нарядным в сравнении с платьями подруг...

Конец марта, на улицах еще светло, каплет с крыш, из водосточных труб стекает вода и струится по лужам. Все в моих глазах так празднично и весело. Волнуясь, я вхожу в еще почти пустой зал Благородного собрания... На меня выпали обязанности по приему артистов. Ожидаемый приезд Достоевского и Тургенева вызывал у меня первую дрожь. Кроме них, на концертное отделение были приглашены выдающиеся артисты и певцы, как, например, известное контральто Бичурина, виолончелист Вержбилович и другие.

Достоевский, который должен был читать в первом отделении, прибыл заблаговременно. Я поспешила к нему навстречу. Он оглядел меня с ног до головы и спросил отрывисто:

— Поете?

Вероятно, он принял меня за одну из приглашенных певиц, подумал: я, и густо покраснела.

— Нет, я слушательница курсов.

— Вот,— сказал Достоевский,— не успел дома прочитать, а не прочтё заранее, нельзя выходить на эстраду. Всегда могут случиться неподходящие места, которые придется, может быть, выкинуть...

Я предложила ему сесть у столика, а сама опустилась на стул недалеко от входной двери, чтобы не пропускать любопытных.

И Тургенев не заставил себя долго ждать. Высокий, с седыми волосами, зачесанными назад, он появился в дверях. Приостановился, окинув быстрым взглядом отведенную для артистов комнату. Я поднялась навстречу. Он протянул руку и, осмотревшись, направился прямо к Достоевскому, погруженному в чтение «Подростка», отрывок из которого он собирался прочесть.

Достоевский даже вздрогнул от неожиданности быстрого движения Тургенева и неловко привстал. Молча они протянули друг другу руки, а Тургенев двинулся к молодежи, которая тотчас окружила его.

— Иван Сергеевич, я перед вами виновата,— шутливо сказала Леля Гедда,— я забыла предупредить вас, что вы записаны во второе отделение.

— Как хорошо было бы жить на свете, если бы все преступницы были похожи на вас,— улыбаясь, ответил Тургенев.

Я вспомнила, что обещала оставить место доктору Якову Богдановичу фон Бретцель, постоянному врачу Достоевского, и провести его в комнату для артистов, так как доктор непременно желал видеть Федора Михайловича после чтения, боясь за его самочувствие.

Музыкально-вокальные номера были исполнены, и пришла очередь Достоевского выйти на эстраду. Перед его выходом Тургенев выразил мне желание слышать его чтение, я прошла в залу, чтобы приготовить место.

Как полна была зала! Не только все места заняты, но стоят во всех проходах; очевидно, курсистки продали билеты без мест. По счастью, в первом ряду оставлено несколько кресел для официальных лиц. Одно из них я предложила Тургеневу.

Достоевский вошел в зал под шумные аплодисменты, долго не стихавшие. Тургенев сел и стал внимательно слушать чтение.

Достоевский читал то захватывающее место из «Подростка», где несчастная Оля, приехавшая из провинции в Петербург, напрасно ищет места, и, наконец, отец «подростка», без всякого злого умысла, предлагает ей, до приискания места, 30 рублей, которые она принимает. Но изверившаяся в добрых чувствах людей и их бескорыстии, она начинает сомневаться, следовало ли брать эти деньги, возвращает их после дикой сцены с отцом «подростка», и, придя домой, ночью вешается на гвозде, с которого случайно было снято зеркало.

Достоевский читал не очень громко, но таким проникновенным голосом, что становилось как-то жутко и казалось, что эту страшную сцену действительно переживаешь сама. Впечатление было так сильно, что аплодисменты раздались не сразу. Только когда прошло первое тяжелое впечатление, раздались аплодисменты. И Тургенев громко хлопал Достоевскому.

Когда Ф. М. вернулся в комнату для артистов, его уже поджидал доктор фон Бретцель.

— Как вы хорошо читали,— сказал он,— и не разу не кашляли!

— А все благодаря вашим лепешкам,— сказал Достоевский и, вынув из кармана коробочку, сейчас же принял лекарство. Тут только узнали, какому риску подвергал себя Достоевский, исполняя свое обещание читать.

Пока он сидел и разговаривал с доктором, мы говорили с Тургеневым. Леля Гедда приставала к нему:

— Нет, мы не можем допустить, чтобы вы чего-нибудь не написали... Мы все ждем!

Тургенев, как бы шутя, ответил:

— Чего вы требуете? Ведь и старик Гете исписался под конец жизни. Неужели вы желаете и мне такой же участи?

Помню, он спросил меня:

— Вы приезжали ко мне в коричневой шляпе?

Я удивилась его памяти и опять сконфузилась.

— Вы действительно намерены себя посвятить педагогической деятельности? — спросил еще И. С.

Опять виновато мое голубое платье, подумала я, и поспешно ответила:

— Да, я серьезно готовлюсь к педагогической деятельности.

Достоевский захотел на любезность Тургенева ответить тем же и, когда тот пошел в залу навстречу шумной овации, Достоевский тоже вышел его слушать.

Тургенев выбрал «Певцов». Он читал громко, ясно, очень выразительно. Мне и теперь кажется, что все изображенные им лица запечатлелись во мне, как живые, не говоря уже о пении «певцов» рядчика и Яшки, носившего кличку Турка.

Несмотря на превосходное пение рядчика, победа оказалась на стороне Яшки. Рядчик и сам сознавал, что Яшка взял верх над ним и незаметно удалился из среды собравшихся. После пения в этом рассказе — попойка. Сцена произвела бы тяжелое впечатление на слушателей, если бы автор внезапно не перешел к комической сцене между двумя мальчишками. Один звал другого к отцу, и на вопрос «зачем?» коротко отвечал: «отец тебя высечь хочет». Эту сцену великолепно прочел Тургенев, она вызвала общий смех, который сменился бурей хлопков.

Вечер окончился. Довольные, счастливые, мы покидали зал, провожая гурьбой любимых писателей до выходных дверей.

Тогда мы не предвидели, что в январе следующего года придется идти за гробом Достоевского, а через три года и тело Тургенева привезут к нам из далекого Парижа.